

ХУДОЖНИК ЯСНОЙ ЦЕЛИ...

В 1948 году Владимир Агеев, уроженец Больших Яльчик, поступил в Чебоксарское художественное училище. Учащийся, имя которого с первого же учебного задания стало почетаемым среди профессиональных мастеров искусства республики, сперва слыл неуспевающим. Со школьных лет не давался ему немецкий, однако он совершил чудо: стал читать Гете и Шиллера в оригинале. Вскоре за ним закрепилась слава лучшего знатока русской и мировой классической литературы. Читал он не запоем, ночи напролет, а с серьезным анализом.

После каждой книги можно было видеть серии иллюстраций. Рисунки представляли собой законченные станковые композиции с глубокой психологической характеристикой героев, с документально точным воспроизведением изображаемой эпохи, культурно-бытовой среды.

Талант В. Агеева открыл Н. Мохов, известный автор иллюстраций к «Рассказам охотника» К. Чулгася. Он с нежной любовью занимался с чувашским мальчиком по такой собственной программе, которая для многих была не по силам. От него у Агеева глубокое понимание оригинальной конструкции книги, изощренные композиции иллюстраций, романтическое восприятие окружающей действительности.

Обостренное внимание к различной выразительности цвета, колориту, гармонии составных частей сложной картины, к теме героической истории родного народа утверждалось в мастерской Н. Сверчкова.

Другим учителем был Е. Бургулов, последовательно внедрявший в училище педагогическую систему П. Чистякова. Широта и смелость мышления, крепкое построение рисунка, как основы всего искусства, умение заставлять работать каждую деталь на типизированный образ, понимание трудной работы художника как верное служение Отчизне, стремление быть таким, чтобы каждым своим произведением утверждать реальные деяния и сказочно красивые устремления современности — все это пришло от Бургулова. Художник «Дороги жизни» на Ладоге в годы Великой Отечественной войны, он передал своему чувашскому ученику социально-политическую обостренность в творческом труде.

И вырос художник дерзостный, большой воли и ясной цели. Его идеалом стал М. Сеспель, воспевший грядущий интернационализм народов. Слова И. Яковлева о ста тысячах слов, о ста тысячах песен, о ста тысячах вышивок, которые составляют неисчерпаемое богатство родного народа, определили программу и тематику творчества, исследовательского интереса художника на всю последующую жизнь.

Выдвижение В. Агеева на соискание Государственной премии Чувашской АССР имени К. В. Иванова — явление закономерное. Работы, представленные на конкурс (две картины, семь книг в его оформлении), хотя и отражают лучшие достижения мастера за последние годы, но составляют лишь малую часть его творений.

Картины «Базар в Яльчиках» и «Уборка хмеля», получившие известность на выставках страны, на конкурсе занимают основное место. Привлекает ко-

лорит, естественно вошедший в живопись В. Агеева. Он взят мастером из старинной чувашской вышивки, из крестьянской поклонения земле, солнцу, светлому дню, из веры в вечное продолжение жизни. Лучшим выражением торжества жизни остается хмель, уборка которого превращается в народный праздник, знаменует пору свадеб и близких и дальних надежд. А «Базар в Яльчиках» — это продолжение праздника, как бы смотр всех достижений людей, вечный круговорот жизни. Поэтому художник, передавая крестьянский мир в занимательных деталях, на первый план выдвигает группу счастливых девушек, движения и ладные фигуры которых определяют ритмику картины. Эта ритмика песенна, сказочна, хотя все, что изображает автор, достоверно передает реально существующее, не выдуманное, близкое и знакомое каждому из нас.

Поиски В. Агеева в книжной графике многообразны, на первый взгляд несовместимы друг с другом. Это и «Алые паруса» А. Грина с хрупким совершенством Ассолы, с ожиданием неперемного чуда, торжества вечного добра над грубым миром повседневности забывших мечту людей. Цвет алых парусов, чистого неба и синего моря так звучен, лицо и фигура героини так полны грез и нетерпения, рисунок так нежен и певуч, штрих и движение так легки и воздушны, что текст и работу художника-иллюстратора представляешь как нечто целое, которое могло быть создано только одним автором — писателем-графиком. Это и «Чувашские легенды и сказки», где сказочное В. Агеев каждый раз представляет в конкретных образах, в конкретной исторической и бытовой обстановке. У него точно переданы и костюмы, и архитектура, и виды природы, и животный мир. Его сказочный мир интересен буйной фантазией, выливающейся в обилие самых невероятных картин, но каждый раз он оборачивается житейской мудростью, реальной, земной, человеческой практикой, в которой и заключена истинная правда.

В этом плане характерно оформление книги А. Трофимова «Волшебные узоры». Каждый рисунок — историческая картина со множеством героев, сложных переплетений судеб, обилием предметов быта, вышивки. В небольшой истории, которую рассказал ученый, истории зарождения интереса у маленьких школьников к археологии, к изучению культуры родного народа, художник увидел историю предков, пути их борьбы за свободу, достижение чувашами своего счастья в семье равноправных советских народов. В книге М. Уйпа «Детство» и учебнике русского языка для второго класса В. Агеев-художник показывает мир становления нового человека, чистоту его закалки в непримиримой классовой борьбе, в той реальной среде, которая знакома и памятна для людей старших поколений. В книгах К. Иванова «Благодатная весна» и М. Федорова «Леший» художник поднимается до этических обобщений.

В. Агеев — художник, в чьем творчестве выражены с большой силой лучшие черты современного чувашского искусства.

А. ГРИГОРЬЕВ.